MARGINAL AND BOUNDARY SOCIAL GROUPS OF MEDIEVAL SPAIN

Elena Yu. Kalinina

Herzen State Pedagogical University. Saint Petersburg, Russia. Email: [bellaflor\[at\]mail.ru](mailto:bellaflor[at]mail.ru)

Abstract

The article focuses on the problem of the lack of a clear typology of medieval groups located in the zone of cultural exclusion. This is caused by the following situation: the sources at hand produce negative information of repressive (normative sources), judgmental (narrative sources), and fear-based character (folklore sources). The representatives of these groups did not leave a memory of themselves, since most of them did not have a written culture. They would not tell, and would not be listened to.

A model of social structure is constructed using the case of medieval Spain, making distinction between the core of public culture and periphery serving as a reservoir for the groups defined as marginal and boundary. The latter are displaced from the core onto the fringes of society, and their legal status wants to be clarified. The study is interdisciplinary. It makes use of the information and sources from different areas of social and humanitarian knowledge; anthropological and systemic approaches can be considered the conceptual framework of the research.

The article deals with the relationship of geographical and cultural space, and a zone of their possible convergence. The research reveals that there hardly exists a rigid connection of marginal and borderline culture with a certain place. They are often not localized and do not exist compactly.

The study is aimed at creating a holistic view of the legal status of social groups moved to periphery of the official legal culture. The article reveals the bases for their subsequent typology and detailed study. We list some groups and attribute them to marginal or boundary structures, showing the legal status of individual groups.

Keywords

boundary groups; marginal groups; medieval Spain; social exclusion; legal status; cultural exclusion; social periphery; boundary; social identity; legal culture

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

МАРГИНАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

Калинина Елена Юрьевна

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.
Санкт-Петербург, Россия. Email: [bellaflor\[at\]mail.ru](mailto:bellaflor[at]mail.ru)

Аннотация

Основная проблема, которая ставится в данной статье – это отсутствие внятной типологии средневековых групп, расположенных в зоне культурного отчуждения. Это связано с тем, что источники дают нам негативную информацию репрессивного или осуждающего характера, основанную на страхе и непонимании. Сами представители этих групп о себе практически не оставляют памяти, поскольку чаще всего это не обладающие письменной культурой группы. Они не стремятся о себе рассказывать, а их не хотят выслушать.

На примере средневековой Испании создаётся модель социальной структуры, где выделяются ядро и периферия, на которую вытесняются группы, определяемые как маргинальные и пограничные; выясняется их правовой статус. Исследование носит междисциплинарный характер и основано на привлечении сведений и источников из разных областей социального и гуманитарного знания, причём концептуальной основой можно считать антропологический и системный подходы.

В статье рассматривается взаимосвязь географического и культурного пространства, зоны их возможного схождения. Выявлено, что жёсткой географической привязки в случае изучения маргинальной и пограничной культуры, скорее всего, не существует. Они чаще не локализованы и не существуют компактно.

Настоящее исследование направлено на то, чтобы создать целостное представление о правовом статусе социальных групп, вытесненных на периферию официальной правовой культуры. Выявлены основы для их последующей типологии и детального изучения. Перечислены некоторые группы и обосновано их отнесение к маргинальным или пограничным структурам. Показан правовой статус отдельных групп.

Ключевые слова

пограничные группы; маргинальные группы; средневековая Испания; социальное исключение; правовой статус; культурное отчуждение; социальная периферия; граница; социальная идентичность; правовая культура

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Средневековье – даже в отдельно взятой стране – огромная эпоха, насыщенная и разнообразная. В данной работе мы будем рассуждать о социальной структуре и связанным с ней правовым статусом отдельных социальных групп, которые могут быть объединены понятием «исключённые». Речь пойдёт о средневековой Испании периода Реконкисты, точнее, о её христианской территории, географические границы которой постоянно менялись в связи с непрерывными боевыми действиями и завоеванием-отвоеванием отдельных замков, деревень, крупных городов и крепостей. Эта подвижность границы повлияла на формирование огромной пограничной зоны, которая то переходила из рук в руки, то, по мере расширения, представляла собой лишь формальное владение короны. Но пограничные и маргинальные группы, которые мы будем рассматривать, формировались и концентрировались не только в этом географическом пространстве. Необходимо изучать концептуальное пространство, которое, в силу обстоятельств, не было привязано к месту. Оно формировалось в правосознании на всех уровнях: официальном, профессиональном и обыденном.

Основополагающая цель настоящего исследования создать модель социальной структуры средневекового испанского общества, основанную на противопоставлении ядра правовой культуры и её периферии, что позволит сделать примерный перечень пограничных и маргинальных социальных групп, типизировать их и определить правовой статус. Исследование носит междисциплинарный характер, что позволяет расширить перспективы изучаемого объекта – общественных отношений, носящих правовой характер, в системе межгруппового взаимодействия.

Эта задача не так проста, как может показаться; исследователи лишь недавно обратили на эти группы внимание, поскольку они практически не оставили свидетельств о себе. Они были вытеснены на периферию официальной правовой культуры (в зону отчуждения) и подвергались социальному исключению. Это повлияло на формирование культурной памяти, в которой огромной части населения практически не досталось места, из-за чего А. Я. Гуревич назвал всех забытых «молчаливым большинством» (1990), по сравнению с меньшинством, пишущим историю.

Не стоит думать, что «открытие» пластов маргинальных и пограничных групп приведёт к революционным поворотам в изучении правовой истории. Периферийная культура не противостоит официальной и не противоборствует с ней. Она не может быть принципиаль-

но «другой», потому что это не антикультура, даже если некоторые группы можно считать антагонистами по отношению к официальной правовой культуре (бандолеро, проститутки, мошенники и т.п.). Это лишь приблизит нас к более целостному взгляду на правовую культуру Средневековья, позволит включить в изучение «забытых» людей, предоставить им возможность заявить о себе.

МОДЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА: ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ; ПОНЯТИЕ ГРАНИЦЫ

В средневековой Испании понятие границы появилось рано и стало культуро- и государствообразующим фактором. Столкновение с иноцивилизационными формами политико-правовой жизни ускорило процесс идентификации народов Полуострова и появление феномена нации (напр., Castro, 1948). Само полуостровное положение создало ситуацию, в которой ни одна из противоборствующих сил (христиане и мусульмане) не могла ни уступить своего места, ни доминировать. Сложившиеся в процессе столкновения импульсы не могли рассеяться в окружающем пространстве в течение длительного времени. Испания впервые оказалась перед лицом подобной ситуации: ранее на её территории происходило огромное количество столкновений локальных культур в рамках одной – средиземноморской – цивилизации, которые в той или иной мере находились в зоне влияния Рима. В любом случае они были либо христианскими, либо языческими, но расположенными на орбите притяжения Империи.

Столкновение цивилизаций, вероятно, впервые в истории Испании жёстко поставило вопрос о границе и идентификации, хотя ранее уже сложились предпосылки для разделения на «своё-чужое», «я и другие»: античные колонизаторы устанавливали пределы во взаимодействиях с автохтонным населением. Карфагеняне и римляне создавали аристократические группы, которые мало смешивались с местными, хотя с течением времени испанцы входили в состав элиты и даже получили возможность заключать браки с колонизаторами. Чуть сложнее ситуация сложилась между германцами и римлянами. Как и везде в Европе, освободившись из-под опеки Рима, варвары создавали законодательство, основанное на римских правовых формах, но по содержанию стремившееся к унижению бывших хозяев. Как бы остро ни складывалась борьба между римлянами и варварами, испанцев она затрагивала лишь частично. Столкнувшись с арабами, испанцы пришли к пониманию того, что только выстраивание границ, как физических (крепости, приграничные столбы и т.п.), так и ментальных может спасти их от уничтожения как самостоятельной общности на пути к госу-

дарственности с собственной политико-правовой системой. Становление испанской нации, возможно, было, защитной реакцией, отторжением исламизации, выразившейся в альянсе разных народов, объединённых общей историей и культурой (См.: Marías, 1990). Однако в истории становления испанской нации можно увидеть не только отталкивание, которое неизбежно в процессе встречи цивилизаций, но и взаимопроникновение с формированием пограничной зоны, характеризующейся наличием новых культурных элементов (см.: Amaiour, 2012, р. 178). Т. Глик утверждал, что «контакт между культурами, несомненно, креативен, хотя всегда конфликтен» (1991, р. 12), и на примере средневековой Испании это видно особенно ясно. Усилия, которые необходимо было прилагать для сохранения целостности испанского общества, позволили сформировать на перекрёстке культур уникальную нацию, о чём писал Х.П. Фуси (2000, р. 17) и многие другие авторы.

Необходимость создать и закрепить цивилизационную границу приводит к формированию государственно-правовой системы, которая характеризуется наличием рубежей, внутри которых происходят идентификационные процессы. Внутреннее строение этой системы со временем усложняется, что приводит к формированию подсистем – социальных групп. При анализе основного вопроса настоящего исследования мы не будем включаться в дискуссию по поводу разграничения социальных общностей, групп, категорий и т.п. Для удобства общности, организованные разными способами, будут именоваться социальными группами, которые будут различаться по степени организованности (например, мы считаем, что существуют группы, члены которой могут даже не осознавать, что они являются таковыми, но будут ощущать определённую идентичность, например, паломники или лжепаломники) и внутреннему основанию разделения (например, этнокультурные основания или правовой статус).

Социальные группы формировались внутри единого социального пространства; при этом одни из них попадали в сферу ядра официальной правовой культуры, другие – профессиональной, а третьи – обыденной. Официальная правовая культура формируется в зоне бытования публичной власти. Она не может противоречить общей культуре, но определяет текущие правила и выстраивает общественные отношения, исходя из нынешнего вектора развития. В Средневековые многие выпадали из этого деления, оказываясь на социальной периферии, в маргинальных и пограничных группах.

ПОЛУОСТРОВ КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Полуостровное положение Испании, отграниченное, к тому же, от материка труднопроходимыми в Средневековье горами, создало любопытную ситуацию взаимодействия двух цивилизаций, встретившихся в этом пространстве. Культурные и географические границы не были жёстко привязаны друг к другу, а культурные пространства могли пересекаться, создавая причудливые сочетания, не будучи привязанными к географическим. Нередко представители разных цивилизационных групп не вполне осознавали наличие границ внутри полуостровного пространства. В одном случае эти границы проявлялись очень чётко, а в другом их как будто не существовало вовсе. Так, например, впоследствии в христианской культуре пограничная линия в рамках единого пространства между еретиками и христианами была более жёсткая, чем в ряде случаев между христианами и мусульманами или между идалго и простолюдином.

Испания рано сформировалась как единое ментальное пространство, даже раньше, чем сложилось государство в современном понимании. Это пространство ещё с римских времён определялось как *Hispania*. При отсутствии единства, системности во всех типах общественных отношений этот феномен представлял собой объединительный фактор в правосознании складывающейся испанской нации. Как и в других случаях, когда в средневековом мире «речь шла о единстве мира в восприятии людей средневековья, то не следует забывать, что единство это существовало лишь на метафизическом уровне» (1984, с. 255), по меткому замечанию А. Я. Гуревича. Понятие «Испания» употреблялось как в единственном, так и во множественном числе, что демонстрировало разделение в правосознании ментального и географического пространства. Испании – это локальные политические сообщества, привязанные к географической локации в рамках единого ментального пространства. Например, Исидор Севильский (начало VII в.) не просто говорит об Испании в единственном числе – *Hispania*, но добавляет *mater*, формируя концепт родины, то есть не географического, а ментального пространства (*Sancti Isidori Hispalensis*). Как заметил Ф. Мартинес, «напряжение между универсальным и локальным постоянно и никогда не разрешается удовлетворительным образом, потому что в Средневековье индивид живёт между феодальным уделом или поместьем и деревней, замком, монастырём, с одной стороны, но, несомненно, является частью превосходящей политической общности, Империи или Папством, или даже более глобальной,

Христианства или Христианской Республики как кульминации» (Мартинес, 2010, р. 308).

Игру и взаимодействие политических пространств можно показать на примере средневековой монархии и империи в Испании. Король мог управлять в одном королевстве или присоединять какие-то территории и править в двух или трёх королевствах, а император существовал в рамках единого пространства, которое было больше ментальным, чем географическим, включая в себя несколько королевств, но потенциально оно готово было включить ещё неограниченное их количество. В какой-то момент испанская империя вышла за пределы полуостровного пространства и приобрела черты известной нам империи. Ещё один интересный факт – именование короля одного из локальных королевств императором или правителем «всея Испании», которая включала в себя не только другие королевства, но и арабские территории, то есть весь полуостров. Похожая ситуация сложилась с хрониками, которые нередко назывались История Испании, хотя писались в локальном королевстве. Тем не менее, История Испании встречается чаще, чем, скажем, История Галисии или Наварры.

Водораздел между исламской и христианской цивилизациями был ещё более своеобразным. Он не был чисто географическим, но он не всегда был и культурным (религиозным). Религиозные обычаи не мешали христианским королям и мусульманским правителям взаимодействовать, заключать союзы, в том числе, против тех, кого они считали «своими». Христианские и мусульманские правители в интересах войны или торговли могли объединяться против единоверцев, и принадлежность к одной религии, шире – культуре, не останавливала их (Tuliani, 1994, р. 9). Один из наиболее ярких примеров содержится в эпическом средневековом произведении, основанном, как считают исследователи, на реальных событиях, – предании об инфантах Лара. Сюжет основан на том, что родственники поссорились на свадьбе, и одна из сторон, посчитавшая себя обиженной, обратилась к соседнему исламскому правителю с предложением подстроить ловушку и погубить семерых братьев-обидчиков. Заканчивается история тем, что брат по отцу этим семерым инфантам, полумавр-полухристианин, воспитывающийся на мусульманской территории и не знавший ни своего отца, ни происхождения, мстит вероломному родственнику за братьев-христиан. В испанском фольклоре тема пограничных взаимоотношений раскрыта достаточно полно. Существует даже целый пласт фольклорной, так называемой «пограничной» литературы.

Подобная ситуация существует до сих пор. Так, исследователи выделяют географическую идентичность, утверждая, что «географиче-

ские топонимы, символы, объекты маркируют ландшафт. Территория приобретает культурные характеристики, социокультурные смыслы и значения, связанные с определенными историческими событиями, социальными практиками, этническим образом мира и ценностями» (Андреева, 2017, с.109). Но в Испании, видимо, географическая идентичность не сложилась: уже в течение более пятисот лет после окончательного отвоевания Полуострова у мавров сохраняется огромное количество арабских топонимов, остатков арабской архитектуры, словообразований, происходящих из арабских языков и т.п. Это показывает, что культурное и географическое пространство в Испании причудливо переплетаются между собой без какой-либо жёсткой привязки.

ПОНЯТИЕ МАРГИНАЛЬНЫХ И ПОГРАНИЧНЫХ ГРУПП И ТРУДНОСТИ ИХ ДЕМАРКАЦИИ

Маргинальные и пограничные группы формируются на границах общества как системы, объединяющей в себе разнородные элементы. Разница в их положении состоит в том, что маргинальная культура, как правило, антагонистична по своей сути, а пограничная стремится к синтезу, хотя не всегда соответствует представлениям официальной правовой культуры о должном поведении. Но вообще, как будет видно из дальнейшего повествования, разделить пограничные и маргинальные группы не всегда возможно, тем более что они нередко переходят одна в другую.

Маргиналы – это люди или сообщества, которые сознательно противопоставлены доминирующей культуре. Они могут не желать этого (например, рабы), будучи объективно поставленными в соответствующие условия, либо добровольно принимать такой статус (например, либертины, отшельники или даже студенты, которых сегодня нам очень трудно считать маргиналами). Их положение может быть как очень тяжелым (люди, находящиеся в самых низах общества), так и более высоким, нежели у представителей знати (королевские рабы, например, имели возможность оказывать влияние на политику государства, если оказывались приближёнными к правителям). Главная особенность маргинального правосознания заключается в том, что они не признают общество, хотя являются его структурной частью, а общество вытесняет их на периферию системы, поскольку они не отвечают нормам генеральной культуры. Но при этом они являются значимым элементом культуры, без которой она не может быть полной, подобно герою, который нуждается в антагонисте, и все виды протестов не могут быть поняты помимо этой культуры. Например, бандолеро (бандиты, контрабандисты) или позднее герильеро (партизаны) были явле-

нием очевидно испанским и если не признавались в рамках официальной культуры – ядра, – то мифологизировались крестьянами – группами, удалёнными от центра, но входящими в пространство, формируемое ядром.

Нужно отметить важность изучения социальной репрезентации маргинальных групп. Это приведёт к созданию типологий маргинальных групп и углублению в их системы ценностей (см.: Ruiz Domenes, 1990). Помимо иудеев, почти ни одна маргинальная группа Средневековья не создала собственную культуру, либо эта культура не была зафиксирована письменно. Впрочем, проблемы существуют и с устными источниками: маргиналы не любили рассказывать о себе посторонним, а представители других социальных групп не желали их выслушать. Часто эти группы были запретными, негативно воспринимались и вытеснялись на периферию общественного сознания. К тому же они чаще всего не были оформленными компактными группами. Возможно, они сами не знали, что принадлежат к определённой группе, то есть не чувствовали идентичность, не искали других таких же людей (например, проститутки). Но при этом криминальные маргинальные группы нередко существовали компактно (бандолеро, воры). В ряде случаев мы встречаемся не только с социальной очерченностью границ подобной группы, но и с формированием ограниченного пространства, в котором они проживают. Особенно это касается городов, в зоне которых могут располагаться компактные группы, подвергающиеся маргинализации (гетто). Компактно могут проживать позитивные маргинальные группы (мусульмане, иудеи) и негативные (кварталы, в которых сосредоточивались криминальные личности или проживали «профессиональные» нищие).

Пограничные сообщества образуются тогда, когда в силу различных обстоятельств происходит встреча двух или более культур. В этом случае осуществляется взаимодействие, в результате которого происходит узнавание и принятие решения о возможности восприятия или отторжения тех или иных культурных моделей, в том числе в преобразованном виде. В силу действия объективных факторов эти встречающиеся культуры вынуждены взаимодействовать, а у доминирующей культуры нет возможности вытеснить отдельные группы на периферию. В процессе взаимодействия могут быть сформированы новые социальные группы, подталкивающие власть к развитию законодательства, которое включало бы их в систему регулирования правопорядка.

Если между различными группами, как расположенными на периферии, так и приближёнными к зоне ядра складывался социальный компромисс, то можно было говорить о формировании пограничной

культуры. В её рамках происходит сосуществование норм разных групп, которые могут синтезироваться или сосуществовать, проявляясь в разных ситуациях. Примером синтеза можно считать межкультурные нормы, а примером сосуществования – нахождение одновременно в разных группах (например, аристократ-разбойник). Такие случаи нахождения одновременно в нескольких группах – явление гораздо более редкое, и, наверное, его нельзя относить однозначно к пограничным.

И те, и другие группы на сегодняшний день изучены довольно плохо. В этом смысле у историка права существует серьёзная проблема: сами представители таких групп о себе практически не оставили письменной памяти, а имеющиеся произведения не всегда можно осмыслить. Представители официальной и профессиональной правовой культуры, которые обычно занимались летописанием и писательским трудом отзывались о них чаще негативно, недоброжелательно, нередко искажая их ценности, основы картины мира. Этот негатив был вызван не реальным провалом в коммуникации, а, скорее, воображаемой инаковостью. Власть часто не знала, что делать со столь разнообразными группами, не вписывающимися в простую модель управления. В связи с этим сначала она предпочитала вытеснять их, исключать из социальной системы, а затем занялась правовым регулированием и формированием правового статуса этих групп.

Пограничные группы могли формироваться в приграничном пространстве между любыми культурами, в том числе между позитивными и негативными, несмотря на попытки власти пресечь возможность контактов. Но Средневековье – это время, когда социальные границы в рамках одного культурного пространства не были жёсткими. Переход из одного субпространства в другое мог быть затруднённым, но не невозможным. В период формирования Кастилии, например, любой человек мог стать дворянином. На уровне простонародья постоянно происходила коммуникация между признанными и запрещёнными социальными группами. Это было связано с взаимным любопытством, принятием, доброжелательным отношением. Но в рамках официального правового дискурса эти пограничные зоны часто не могли быть осмыслены. Рассмотрим более подробно некоторые из интересующих нас групп, и специально остановимся на понимании их правового статуса.

ЗОНЫ КУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Все маргинальные и пограничные культуры можно делить по разным основаниям. Первую категорию мы назовём культурно-этнической. В средневековом испанском обществе это были как представители других культур (цивилизаций), например, мусульмане или иудеи, так и лица, родившиеся в результате трансграничного взаимодействия. В первом случае мы, скорее всего, говорим о маргинальных группах, во втором – о пограничных. Провести между ними чёткую границу практически невозможно, потому что отношение к ним со стороны других людей было различным, и коммуникация зависела от конкретных обстоятельств. Сложность изучения подобного взаимодействия в том и состоит, что, с одной стороны, наука нуждается в типизациях, а с другой, – эти взаимодействия нередко следует рассматривать в рамках истории повседневности.

Приведем пример. Мы можем сделать предположение, что к представителям другой культуры средневековые испанцы не всегда относились доброжелательно, основываясь на знании о войнах и стычках в процессе завоевания-отвооевания. Если мы рассмотрим отношения с арабами, проживающими на отвоёванных христианами пространствах («белыми людьми»), то увидим нередкую взаимную неприязнь. Но в то же самое время у испанцев устанавливаются более дружеские контакты с «чёрными» африканцами, которые находятся примерно в том же положении. Значит, именно у испанцев, даже по сравнению с другими европейцами, изначально не было предубеждения по отношению к представителям другой расы. Эта ситуация не укладывается в приведённую ранее схему.

Рассмотрим подробнее, что происходило в Испании в период арабского завоевания.

В какой-то момент времени Пиренейский полуостров оказался разделён на две неравные части, мусульманскую и христианскую, причём граница постоянно сдвигалась. Ни христианство, ни ислам ещё не были устоявшимися религиями, а потому простонародье не проявило желание сражаться за веру (это более позднее явление). Народ продолжал общаться, несмотря на ограничения (Narbona Vizcaíno, 1998, p. 100). Противоборствующие правительства, напротив, сражались за сферы влияния, за территорию, которая стала основой государственности. Поэтому они стали жёстко маркировать пространства как в физическом смысле (строить крепости, нанимать людей, которые охраняли бы границы), так и в ментальном смысле (создавать законы, ограничивающие взаимодействия) (См.: Rodríguez de la Peña, 2009).

В результате совместного проживания на территории полуострова образовались следующие группы: арабы, берберы, мавры («чёрные» мусульмане), евреи, христиане, различные по этническому происхождению, среди которых особенно выделялись германцы; мосарабы, или арабизированные христиане, проживающие на мусульманской территории, но не принявшие ислам; муваллады, или христиане, принявшие ислам по разным причинам (из страха, с целью снизить уровень налогообложения и т.п.) на мусульманской территории; мудехары, или арабы, оказавшиеся на христианской территории, но не сменившие религию, хотя и перешедшие в подданство королю; ренегаты, или христиане, сознательно перешедшие в ислам, сбежав на чужую территорию и перейдя в подданство исламских государей; марраны, или евреи, принявшие христианство. При этом у представителей разных групп могли появляться дети, и не всегда было ясно, к какой группе они должны принадлежать. Усугубляло ситуацию и то, что смешанные браки нередко старались ограничить, а сексуальные связи запретить под страхом смертной казни (См.: Ladero Quesada, 2009, p. 33).

Тем не менее, браки между представителями разных культур стали заключаться настолько часто, что на это обратили внимание не только короли, которым, в целом, не было до этого дела, но даже Римские Папы, которые стали настойчиво рекомендовать властям пресечь эту практику (Marín Guzmán, 2004, p. 515). Большое число нотариальных свидетельств о заключении межкультурных браков демонстрируют разные исследователи; например, А. Тахири даже показал, что христиане и мусульмане нередко делили жилища (2003, p. 38). Если уж невозможно было избежать совместного проживания разных этносов на одной территории, то нужно было ограничить их взаимодействие и тем более смешение (Ladero Quesada, 2009, p.38).

Власти не только противодействовали общению, но, понимая, что оно неизбежно, нередко пытались создать приемлемое правовое пространство взаимодействия. В сельской местности огромное значение имели вопросы земле- и водопользования. Нередко там мог располагаться только один общий колодец. В этом случае неизбежно вставал вопрос о том, не «загрязнит» ли иноверец воду. На исламской территории издавались толкования законов, которые закрепляли, например, утверждение, что христиане и иудеи не «загрязняют» воду в общем колодце (García Sanjuán, 2009). Христианским королям, в свою очередь, было выгодно брать под свою защиту «инородцев». Поэтому затем они долго уклонялись от давления, оказываемого Римом, который настаивал на дискриминационных мерах и преследованиях. Короли ста-

рались защищать тех арабов и иудеев, которые оказывались в сфере их влияния, разрешали придерживаться своего языка и веры (Galmés de Fuentes, 2002, p. 134). Обращённые мусульмане принимались при дворе, и их старались выделить (Echevarría Arsuaga, 2006, p. 15).

Конечно, общение не всегда было безоблачным. Скорее наоборот: в первую очередь, оно было конфликтным. Нередко инокультурные элементы отвергались не только официальной культурой, но и народной. Охота на ведьм или погромы еврейских жилищ, оскорбления или побои, сыпавшиеся на иноверцев, глумление над падшими женщинами и жертвами сексуального насилия, – всё это известно и изучено. Американский исследователь, Р. Дарнтон объяснял агрессию по отношению к «другим» страхом и нежеланием, да и неспособностью понять. Его известная книга, переведённая на русский язык, именно об этом (2002).

Один из наиболее интересных феноменов для изучения – это право, сформировавшееся на границе. Для регулирования правопорядка властям с обеих сторон приходилось вырабатывать нормы общежития. Это делалось как на законодательном уровне, так и со стороны локальных общин, которые устанавливали правила обычного характера (См.: Viguera Molins, 2009). Некоторые авторы, как, например, Х. Родригес Молина, считали, что пограничное пространство – это зона, где царит беззаконие (См.: Rodríguez Molina, 2007, p.14). Эту позицию можно понять, особенно применительно к вновь отвоёванным пространствам, где ещё не устоялась власть. Сюда стекались наёмники, авантюристы, беглецы всех сортов. Короли отчаянно пытались любыми способами заселить эти территории, чтобы закрепить их за собой. Нормы права, действовавшие до захвата одной из сторон, уже не действовали, а новых ещё не было. Кроме того, некоторые земли постоянно переходили из рук в руки. В этом смысле пограничное пространство могло стать территорией хаоса. С другой стороны, можно говорить о пространстве, где, напротив, право наиболее «живое», а не застывшее, в котором комфортно находиться представителям самых разных социальных групп. Особенно если под пограничным пространством мы имеем в виду не физическое, зону боевых действий, а культурное. О таком пограничном пространстве можно сказать словами Ю.М. Лотмана: «Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит обеим пограничным культурам» (1990, с. 262). Это влияет на формирование особой пограничной культуры, в том числе, в правовом смысле.

ПРОСТРАНСТВО «АБСОЛЮТНО ДРУГОГО»: РАБЫ И НИЩИЕ

В любом социальном пространстве существуют почти абсолютные маргиналы, которые как бы исторгнуты из него. На Руси такая категория называлась изгоями. В неё попадали те, кто «выпадал» из социальной структуры, причём такое состояние могло быть временным или постоянным. Пока люди находились в таком состоянии, они не принадлежали ни к какой социальной группе, но в то же время нельзя сказать, что они могли войти в состав метапространства, в котором взаимодействуют разные общественные суперсистемы.

Как отдельную подобную маргинальную группу испанского (и не только) Средневековья можно выделить рабов. Рабство – одно из самых древних постыдных социальных явлений. Оно сохранялось и в Испании в рассматриваемое время как на мусульманской, так и на христианской территориях. В Аль Андалус поступали рабы из Южной Сахары и пленённые христиане. Наступление христиан на исламские территории привело к лишению свободы многих мусульман (González Aréval, 2019, p. 14). Юридически о рабах трудно говорить как о социальной группе, поскольку они не обладали единым правовым статусом; права рабов разных категорий могли существенно различаться: от королевских рабов до рабов, упоминаемых в локальных документах рядом с выючными животными. Это означает, что не все рабы приравнивались к животным, как юридически, так и по отношению общества к ним, но и не все рабы обладали рядом прав, приравнивающих их к нормальным людям. Мы относим рабов к маргинальным группам, но в данном контексте они выглядят как пограничные, – между миром людей и миром животных. Рабы дворян и рабы ремесленников, городские и сельские рабы, конечно, существенно различались по своему статусу.

С точки зрения культурной антропологии, можно говорить о рабах как членах коллектива, которых связывает принадлежность к культуре, внешней по отношению к культуре общества, в которую они насильственно были инкорпорированы, и в котором происходила их аккультурация (González Aréval, 2019, p. 22). Их маргинализация происходила от нежелания принимать меры по включению, и даже наоборот – власти принимали юридические меры для ограничения их возможных контактов с другими членами общества. Это видно, например, из постановлений местных властей, запрещающих собираться рабам большими группами и праздновать. Между тем эти встречи были необходимы для общения, чтобы поддерживать передачу культурных моделей, а также вступать в брак. Такие собрания, по свидетельству современников, происходили довольно часто, несмотря на запреты.

Нужно отметить и то, что нередко случаи совместного времяпрепровождения с христианами.

Нередко действовали запреты, связанные с посещением рабами таверн, питейных и игровых заведений. В таких случаях рабы были вынуждены собираться в ограниченных пространствах, среди своих. Неизвестен точно масштаб нарушений запретов, но очевидно, что правила нарушались повсеместно, то есть рабы и свободное население находились в контакте.

Самые низшие рабы, которых считали рабочими животными, не обладали никакими правами; их правовое положение подтверждается включением в законодательство норм, где они перечисляются в одной главе вместе с тягловым, вьючным или наездническим скотом в следующем порядке: «животные, такие как кони, кобылы и мулы (самки и самцы), ослицы и ослы, рабыни и рабы...» (Rodríguez Molina, 2003, p. 171).

В схожем положении находилась такая многочисленная социальная группа или, скорее, категория, как нищие. От рабов их отличали два обстоятельства: личная свобода и принадлежность к этой же социальной культуре. Однако в главном – включённости в общество – они находились примерно в одном и том же положении. Как и рабы, нищие неоднородны. Среди них было много отдельных подгрупп: вдовы, бедные девушки, проститутки (огромное число женщин, оставшихся без защиты своей семьи), больные, старые, малолетние. В обществе было много нищих из-за засухи или сильных ливней, огромных налогов, высоких цен, голода, эпидемий. Всё это увеличивало число тех, кто вынужден был просить милостыню, оставался без крова и исключался из всех социальных групп, признаваемых и одобряемых официальной культурой. Они никогда не упоминались ни в каких формальных списках примерно до XVII в., что существенно затрудняет их изучение в период Средневековья. Но о масштабах нищенства можно судить по известиям Нового времени. Например, известно, что в городе Убеда в 1750 г. проживало 11.000 человек, и из них около 4000 были нищими, бродягами на улицах, то есть более трети населения (Rodríguez Molina, 2003, p.184).

Как можно увидеть, среди нищих присутствуют субкультуры очень разные и по отношению к праву. С одной стороны, это люди с развивающимся криминальным сознанием, а с другой – с сознанием, стандарты которого «не вписываются» в формирующееся политико-правовое пространство. Как отмечают некоторые авторы, правовым ограничениям подвергаются женщины, дети и старики. Некоторые авторы феминистической направленности, которые изучают социальное

неравенство только по отношению к женщинам, называют их «исключёнными в среде исключённых» (Vinyoles Vidal, 2008, p. 81). Как иронически заметила М. Кораль Куадрада, социальное исключение в Средневековье могло достигать 90% (2015, p. 59), хотя это, конечно, преувеличение.

ВЫВОДЫ

Пространство, занимаемое в социальной структуре маргинальными и пограничными группами, может быть познано через правовые источники репрессивного характера, а также через литературу назидательного характера, которая показывает их как антиэталон. Такие источники помогают создать модель правового статуса маргинальных и пограничных социальных групп. Иные типы источников (нарративные, визуальные, фольклорные) могут создать образы этих групп через негативизацию или, напротив, через мифологизацию.

Несмотря на то, что маргинальные и пограничные структуры вытеснялись официальной правовой культурой на периферию социального пространства, между ними и простонародьем установились более тесные узы, чем между представителями образованных и благородных сословий. Власть создавала правовое пространство, в которое включался народ, понимаемый как «добрые люди», то есть порядочные, благонадёжные, законопослушные члены общества. Но люди эти во многом были связаны с маргинальными и пограничными структурами. Маргиналы, особенно криминальные, представляли угрозу для народа, который нередко страдал от разного рода мошенников, разбойников, воров. Однако не меньше население страдало от законной власти, от порядка, установленного с помощью права. Это порождает феномен мифологизации маргинального пространства и его обитателей. В обыденном правосознании закладываются образы романтических и благородных разбойников, которые покровительствуют беднякам. В этом двойственность образа маргинала.

Социальные маргинальные и пограничные группы могут быть компактными и очерченными и обладать собственным географическим пространством (локализоваться). Но могут существовать группы без локализации и даже без идентификации. Идентичность им придаётся со стороны, наблюдателем, который типологизирует социальное пространство и создаёт модели, необходимые для познания исторической действительности.

Граница между маргинальными и пограничными социальными группами размыта, что затрудняет их идентификацию. Проблема исследователя ещё и в том, что маргинальные группы могут становиться

пограничными и наоборот. Другой вариант – это их восприятие: в одном социальном контексте маргинальные группы могут восприниматься как пограничные, а пограничные как маргинальные.

Социальное пространство, в котором располагаются маргинальные и пограничные группы, может выступать как модель, имитирующая географическое пространство, но оно не всегда сходно с ним. Это метафорическое пространство, в котором смыслы понятны представителям определённой социальной группы, но вынужденно перетекают в другие группы. При таком переходе смыслы могут трансформироваться, обретая черты соседнего культурного пространства. Эти трансформации затрудняют изучение пограничных и маргинальных социальных групп, но открывают в их исследовании широкие перспективы.

Список литературы

- Amahjour, A. (2012). Aproximación semiótica a unidades fraseológicas españolas de temática mora y morisca [Semiotic approach to Spanish phraseological units of Moorish and Moorish themes]. *Paremia*, 21(2012), 177-186. (In Spanish).
- Arévalo, R. G. (2019). La esclavitud en la España Medieval. (Siglos XIV-XV). Generalidades y rasgos diferenciales [Slavery in Medieval Spain. (XIV-XV centuries). Generalities and differential features]. *Millars. Espai i Història*, (2), 11-37. (In Spanish).
- Arsuaga, A. E. (2006). *Caballeros en la frontera. La guardia morisca de los Reyes de Castilla (1410-1467)* [Knights on the frontier. The Moorish guard of the Kings of Castile (1410-1467)]. Madrid: UNED. (In Spanish).
- Castro, A. (1948). *España en su historia: Cristianos, moros y judíos* [Spain in its history: Christians, Moors and Jews]. Buenos Aires: Editorial Losada. (In Spanish).
- Cuadrada, C. (2015). Marginalidad y otredad en Cataluña (siglos XIV-XVI) [Marginality and Otherness in Catalonia (XIV-XVI centuries)]. *En La España Medieval*, 38, 57-97. (In Spanish).
- Domínguez, O., A. (1998). Las tres culturas en la historia de España [The three cultures in the history of Spain]. In *España. Reflexiones sobre el ser de España* [Spain. Reflections on the being of Spain] (pp. 171–194). Madrid: Real Academia de la Historia. (In Spanish).
- Fusi, J. P., & Aizpurúa, J. P. F. (2000). *España: La evolución de la identidad nacional* [Spain: the evolution of national identity]. Madrid: Temas de Hoy. (In Spanish).
- Glick, T. F. (1991). *Cristianos y musulmanes en la España medieval (711-1250)* [Christians and Muslims in Medieval Spain (711-1250)]. Madrid: Alianza. (In Spanish).
- Guzmán, R. M. (2004). Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación [Arabic sources for the reconstruction of the social history of Muslim Spain. Study and classification]. *Estudios de Asia y Africa*, 39(3), 513-572. (In Spanish).

- Isidorus Hispalensis. (n.d.). Historia de regibus Gothorum, Vandalorum et Suevorum [History of the Goths, Vandals and Suevic]. Retrieved from The Latin Library website: <http://www.thelatinlibrary.com/isidore/historia.shtml>. (In Latin)
- Marías, J. (1990). *Understanding Spain*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Martínez, F. M. (2010). Ecos cronísticos del rey-juez medieval [Chronological echoes of the medieval king-judge]. *Cuadernos de Historia Del Derecho, Extra*, 2, 303-356. (In Spanish).
- Molina, J. R. (2003). La pobreza como marginación y delito [Poverty as marginalization and crime]. *Gazeta de Antropología*, 19, 159-197. (In Spanish).
- Molina, J. R. (2007). *La vida de moros y cristianos en la frontera [The life of Moors and Christians on the frontier]*. Jaen: Alcalá Grupo Editorial. (In Spanish).
- Molins, M. J. V. (2009). Mozárabes y cristianos en Al-Andalus (siglos VIII-XI) [Mozarabs and Christians in Al-Andalus (8th-11th centuries)]. In L. Quesada & M. Ángel (Eds.), *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007* (pp. 179–186). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).
- Quesada, M. A. L. (2009). Las relaciones con los musulmanes en la Baja Edad Media: Rechazo, coexistencia, proselitismo. In Ladero Quesada, Miguel Ángel [Relations with Muslims in the late Middle Ages: Rejection, coexistence, proselytism. In Ladero Quesada, Miguel Ángel]. In M. A. L. Quesada & M. Ángel (Eds.), *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007 [Christians and Muslims in the Iberian Peninsula: War, frontier, coexistence: XI Congress of Medieval Studies, 2007]* (pp. 15–68). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).
- Rodríguez de la Peña, M. A. (Ed.). (2009). *Hacedores de frontera. Estudios sobre el contexto social de la frontera en la España medieval [Border makers. Studies on the social context of the frontier in medieval Spain]*. Madrid: Fundación Universitaria San Pablo CEU. (In Spanish).
- Ruano, E. B. (Ed.). (2000). Galmés de Fuentes, A. Síntesis cultural cristiano-islámica [Galmés de Fuentes, A. Christian-Islamic cultural synthesis.]. In *Tópicos y realidades de la Edad Media [Topics and Realities of the Middle Ages]* (pp. 119–154). Madrid: Real academia de la historia. (In Spanish).
- Ruiz-Domènec, J. E. (1990). La marginación en la sociedad medieval: Algunos problemas de método [Marginalization in medieval society: some problems of method]. *Medievalia*, (9), 219-230. (In Spanish).
- Sanjuán, A. G. (2009). El fin de las comunidades cristianas de Al-Andalus (siglos XI-XII). Factores de una evolución [The end of the Christian communities of Al-Andalus (11th-12th centuries). Factors of an evolution]. In *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007 [Christians and Muslims in the Iberian Peninsula: War, frontier, coexistence: XI Congress of Medieval Studies, 2007.]* (pp. 259–279). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).

- Tahiri, A. (2003). *Las clases populares en Al-Andalus [The popular classes in Al-Andalus]*. Málaga: Sarriá. (In Spanish).
- Tuliani, M. (1994). La idea de Reconquista en un manuscrito de la «Crónica General» de Alfonso X El Sabio [The idea of Reconquest in a manuscript of the 'General Chronicle' of Alfonso X the Wise]. *Studia Historica. Historia Medieval*, (12), 3-23. (In Spanish).
- Vinyoles, T.-M. (2008). Respuestas de mujeres medievales ante la pobreza, la marginación y la violencia [Medieval women's responses to poverty, marginalization and violence.]. *Clío & Crimen: Revista Del Centro de Historia Del Crimen de Durango*, (5), 72-93. (In Spanish).
- Vizcaíno, R. N. (1998). Tras los rastros de la Cultura Popular: Hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia Medieval [Following the traces of Popular Culture: witchcraft, superstitions and quackery in Medieval Valencia.]. *Edad Media: Revista de Historia*, (1), 91-110. (In Spanish).
- Андреева, А. А. (2017). Пограничье в контексте идей культурно-исторической эпистемологии. *Вестник Калмыцкого университета*, (3), 108–113.
- Гуревич, А. Я. (1984). *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство.
- Гуревич, А. Я. (1990). *Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства*. Москва: Искусство.
- Дарнтон, Р. (2002). *Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Лотман, Ю. М. (2000). *Семиосфера: Статьи, исследования, заметки*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ.

References

- Amahjour, A. (2012). Aproximación semiótica a unidades fraseológicas españolas de temática mora y morisca [Semiotic approach to Spanish phraseological units of Moorish and Moorish themes]. *Paremia*, 21(2012), 177-186. (In Spanish).
- Andreeva, A. A. (2017). Frontiers in the Context of Ideas of Cultural-Historical Epistemology. *Bulletin of Kalmyk University*, (3), 108–113. (In Russian).
- Arévalo, R. G. (2019). La esclavitud en la España Medieval. (Siglos XIV-XV). Generalidades y rasgos diferenciales [Slavery in Medieval Spain. (XIV-XV centuries). Generalities and differential features]. *Millars. Espai i Història*, (2), 11-37. (In Spanish).
- Arsuaga, A. E. (2006). *Caballeros en la frontera. La guardia morisca de los Reyes de Castilla (1410-1467) [Knights on the frontier. The Moorish guard of the Kings of Castile (1410-1467)]*. Madrid: UNED. (In Spanish).
- Castro, A. (1948). *España en su historia: Cristianos, moros y judíos [Spain in its history: Christians, Moors and Jews]*. Buenos Aires: Editorial Losada. (In Spanish).
- Cuadrada, C. (2015). Marginalidad y otredad en Cataluña (siglos XIV-XVI) [Marginality and Otherness in Catalonia (XIV-XVI centuries)]. *En La España Medieval*, 38, 57-97. (In Spanish).

- Darnton, R. (2002). *The Great Cat Massacre: And Other Episodes in French Cultural History*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Domínguez, O., A. (1998). Las tres culturas en la historia de España [The three cultures in the history of Spain]. In *España. Reflexiones sobre el ser de España [Spain. Reflections on the being of Spain]* (pp. 171–194). Madrid: Real Academia de la Historia. (In Spanish).
- Fusi, J. P., & Aizpurúa, J. P. F. (2000). *España: La evolución de la identidad nacional [Spain: the evolution of national identity]*. Madrid: Temas de Hoy. (In Spanish).
- Glick, T. F. (1991). *Cristianos y musulmanes en la España medieval (711-1250) [Christians and Muslims in Medieval Spain (711-1250)]*. Madrid: Alianza. (In Spanish).
- Gurevich, A. Ya. (1984). *Categories of Medieval Culture*. Moscow: Art. (In Russian).
- Gurevich, A. Ya. (1990). *The Medieval World: The Culture of the Silent Majority*. Moscow: Art (In Russian).
- Guzmán, R. M. (2004). Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación [Arabic sources for the reconstruction of the social history of Muslim Spain. Study and classification]. *Estudios de Asia y Africa*, 39(3), 513-572. (In Spanish).
- Isidorus Hispalensis. (n.d.). Historia de regibus Gothorum, Vandalorum et Suevorum [History of the Goths, Vandals and Suevic]. Retrieved from The Latin Library website: <http://www.thelatinlibrary.com/isidore/historia.shtml>. (In Latin)
- Lotman, Y. M. (2000). *Semiosphere: Article, Research, Notes*. St. Petersburg: Iskustvo-SPB. (In Russian).
- Marías, J. (1990). *Understanding Spain*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Martínez, F. M. (2010). Ecos cronísticos del rey-juez medieval [Chronological echoes of the medieval king-judge]. *Cuadernos de Historia Del Derecho, Extra*, 2, 303-356. (In Spanish).
- Molina, J. R. (2003). La pobreza como marginación y delito [Poverty as marginalization and crime]. *Gazeta de Antropología*, 19, 159-197. (In Spanish).
- Molina, J. R. (2007). *La vida de moros y cristianos en la frontera [The life of Moors and Christians on the frontier]*. Jaen: Alcalá Grupo Editorial. (In Spanish).
- Molins, M. J. V. (2009). Mozárabes y cristianos en Al-Andalus (siglos VIII-XI) [Mozarabs and Christians in Al-Andalus (8th-11th centuries)]. In L. Quesada & M. Ángel (Eds.), *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007* (pp. 179–186). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).
- Quesada, M. A. L. (2009). Las relaciones con los musulmanes en la Baja Edad Media: Rechazo, coexistencia, proselitismo. In Ladero Quesada, Miguel Ángel [Relations with Muslims in the late Middle Ages: Rejection, coexistence, proselytism. In Ladero Quesada, Miguel Ángel]. In M. A. L. Quesada & M. Ángel (Eds.), *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007 [Christians and Muslims in the Iberian Peninsula: War, frontier, coexistence: XI Congress of Medieval Studies, 2007]* (pp. 15–68). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).

- Rodríguez de la Peña, M. A. (Ed.). (2009). *Hacedores de frontera. Estudios sobre el contexto social de la frontera en la España medieval* [Border makers. Studies on the social context of the frontier in medieval Spain]. Madrid: Fundación Universitaria San Pablo CEU. (In Spanish).
- Ruano, E. B. (Ed.). (2000). Galmés de Fuentes, A. Síntesis cultural cristiano-islámica [Galmés de Fuentes, A. Christian-Islamic cultural synthesis.]. In *Tópicos y realidades de la Edad Media* [Topics and Realities of the Middle Ages] (pp. 119–154). Madrid: Real academia de la historia. (In Spanish).
- Ruiz-Domènec, J. E. (1990). La marginación en la sociedad medieval: Algunos problemas de método [Marginalization in medieval society: some problems of method]. *Medievalia*, (9), 219-230. (In Spanish).
- Sanjuán, A. G. (2009). El fin de las comunidades cristianas de Al-Andalus (siglos XI-XII). Factores de una evolución [The end of the Christian communities of Al-Andalus (11th-12th centuries). Factors of an evolution]. In *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007* [Christians and Muslims in the Iberian Peninsula: War, frontier, coexistence: XI Congress of Medieval Studies, 2007.] (pp. 259–279). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).
- Tahiri, A. (2003). *Las clases populares en Al-Andalus* [The popular classes in Al-Andalus]. Málaga: Sarriá. (In Spanish).
- Tuliani, M. (1994). La idea de Reconquista en un manuscrito de la «Crónica General» de Alfonso X El Sabio [The idea of Reconquest in a manuscript of the 'General Chronicle' of Alfonso X the Wise]. *Studia Historica. Historia Medieval*, (12), 3-23. (In Spanish).
- Vinyoles, T.-M. (2008). Respuestas de mujeres medievales ante la pobreza, la marginación y la violencia [Medieval women's responses to poverty, marginalization and violence.]. *Clío & Crimen: Revista Del Centro de Historia Del Crimen de Durango*, (5), 72-93. (In Spanish).
- Vizcaíno, R. N. (1998). Tras los rastros de la Cultura Popular: Hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia Medieval [Following the traces of Popular Culture: witchcraft, superstitions and quackery in Medieval Valencia.]. *Edad Media: Revista de Historia*, (1), 91-110. (In Spanish).